ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СЕТИ РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕОЛОГИЙ

Островская Е.А.

Настоящая статья посвящена социологическому анализу транснациональных коммуникативных сетей (ТСК) религиозных идеологий в качестве неотъемлемой составляющей репертуара современного геополитического дискурса.

Транснациональные коммуникативные сети — это тематически специфицированные многомерные взаимодействия, которые осуществляются правительственными и независимыми организациями, неформальными группами и индивидами поверх национальных и государственных границ и формируют единое пространство глобального дискурса. ТКС играют значительную роль в формировании идеологического сектора глобального сообщества. Они тематически структурируют глобальный публичный дискурс, поскольку являются инструментом актуализации локальных проблем и их продвижения на глобальный уровень международного обсуждения.

Анализ и последующее понимание этого сравнительно нового феномена глобальной социокультурной и политической реальности предполагает отчетливую артикуляцию некоторых методологических установок. Речь здесь идет прежде всего о самой возможности изучения различных феноменов современной глобализированной реальности в рамках социологии религии.

В российском и западном научных контекстах социология религии воспринимается как дисциплина, занимающаяся изучением религиозных подсистем национальных государств, причем по преимуществу подсистем христианских. Такая методологическая установка сформировалась и в силу истории сложения этой отрасли социологического знания, и в силу социокультурных особенностей западного научного контекста[1]. Применительно к истории этой дисциплины неизбежно следует констатировать ее теоретическую замкнутость на тезисы классических концепций религии, разработанные в трудах ее отцов-основателей. Вопрос о самой возможности теоретической инновации в рамках социологии религии, поставленный впервые Т. Лукманом еще в 1967 г., так и остается открытым.

В равной степени требует своего решения и проблема преодоления методологической установки социологии религии на изучение нехристианских религиозных идеологий исключительно в контексте таких ее тематик, как «новые религиозные движения» и «нетрадиционные формы религиозности». Попытки выхода за пределы этой классической для социологии религии методологической установки отчетливо обнаруживаются в работах таких крупных западных теоретиков этой отрасли, как Р. Робертсон, П. Бейер, Х. Казанова и др.[2] Социологические концепции, предложенные в трудах этих авторов, обозначили новое направление в теоретико-методологическом и прикладном развитии социологии религии — изучение религиозных подсистем западных и азиатских обществ в глобальном социокультурном, политическом и экономическом измерениях. Иными словами, в конце 90-х гг. XX в. социология религии получила еще один шанс выйти наконец-то «из тени отцов-основателей» и включиться в междисциплинарный дискурс по проблемам современной глобальной реальности, одной из ключевых составляющих которой выступают религиозные идеологии в многообразии их организационных и коммуникативных форм.

---

[1] Подробное рассмотрение проблемы теоретической и методологической ограниченности социологии религии см.: *Островская-мл. Е.А.* Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб., 2005. С. 126–128.

[2] *Robertson R.* Globalization, Politics and Religion // *Beckford A., Luckmann Th. (eds.)* The Changing Face of Religion. Beverly Hills, 1989. P. 10–23; *Beyer P.* Religion and Globalization. L., 1994; *Casanova J.* Public Religions in the Modern World. L., 1994.

Междисциплинарный дискурс по проблемам современных обществ с необходимостью учитывает и выводит на передний план глобальный международный контекст — разнообразные сети политических, экономических, социальных коммуникаций, охватывающие весь мир и превращающие его в «единое социальное пространство»[3]. Прежде автономные государства, нации и культуры оказываются вовлеченными в практически неизбежный диалог о политическом, экономическом, религиозно-идеологическом и геополитическом измерениях современного глобального мира. Параметры такого диалога, его ключевые темы и их конкретные развороты задаются глобальной политической и гражданской публичностью, позиционирующей себя в качестве публичности либерально-демократической.

Между тем онтология глобального контекста коммуникаций не зависит напрямую от публичного диалога о ней. Ее стихийное развитие заявляет о себе на локальном уровне беспрецедентными социально-политическими и религиозными конфликтами, обусловленными стремлением этнических и этнорелигиозных общностей к сохранению их традиционных идентичностей и активным неприятием европоцентричного проекта глобального гражданского общества. А именно этот проект преподносится глобальной либерально-демократической публичностью в качестве органически вызревшей политической перспективы глобального консенсуса.

Отмечу, что в международной социологической дискуссии последнего десятилетия наметилась тенденция критики концепта «глобальное гражданское общество»[4]. В фокусе пристального внимания оказались политическая ангажированность этого концепта, его претензия на нормативность в академическом поле и слабая аналитическая фундированность[5]. Протагонистов глобального гражданского общества упрекают в хлипкости эмпирических оснований предлагаемой ими научной парадигмы. И здесь под сомнение ставится ключевой аргумент в пользу эмпирической достоверности концепта — тезис о повсеместно возникающих в мире неправительственных организациях (НПО), деятельность которых направлена на укоренение идей гуманизма, демократии, равенства, прав человека и т.п. на локальном и международном уровнях. В научной критике глобального гражданского общества международные НПО предстают в роли коварных обольстителей, продвигающих космополитический проект мира, неспособного вызвать поддержку у изгоев глобализации.

Введенные социологами понятия «глобальная культура», «конструируемые этносообщества», «транснациональные НПО», «транслокальные сообщества» послужили концептуальным каркасом для целого ряда исследований pro et contra глобального гражданского общества. И тем не менее они оказываются недостаточными для изучения направленности и содержания беспрестанно возникающих международных социально-политических конфликтов, инициируемых новыми религиозными консолидациям.

Серьезное методологическое затруднение обозначенной выше дискуссии состоит, на мой взгляд, в том, что вне фокуса анализа оказывается фактор транснационального формата функционирования новых этнических и религиозных консолидаций, возникших во второй половине XX в., и их роли в процессе конструирования образа глобальных геополитических связей. Именно поэтому не учитывается и то обстоятельство, что в глобальном пространстве геополитического противостояния конкретных государств провокация этнорелигиозного конфликта стала одной из вполне легитимных форм принуждения к политическому диалогу.

Участниками такого диалога с необходимостью становятся те государства, на территории которых

---

[3] Примечательно, что само понятие «глобализация» было впервые введено в научный оборот социологом религии Р. Робертсоном. *Robertson R.* Globalization theory and civilization analysis // Comparative Civilizations Review. 1987. Vol. 17.

[4] Основоположниками концепта «глобальное гражданское общество» принято считать Э. Гидденса, У. Бека, М. Кэлдор, Дж. Кейни, Д. Хелд. По вопросу формирования этого концепта и его содержания: *Kaldor M.* The ideas of 1989: The origins of the concept of global civil society // Global Civil Society: Answer to War. Cambridge, 2003; *Keane J.* Global Civil Society? Cambridge, 2003.

[5] *Munck R.* Global Civil Society: Myths and Prospects: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. Vol. 13. 2002. № 4. December; *Bartelson J.* Making Sense of Global Civil Society // Eureopean Journal of International Relations. 2006. Vol. 12 (3); *Alexander J.C.* "Globalization" & Collective Representation: The New Dream of a Cosmopolitan Civil Sphere // *Rossi I.* (ed.) Frontiers of Globalization: Theoretical and Methodological Approach. N.Y., 2007. P. 371–382.

имеются политически конфликтные этноменьшинства и детерриторизированные этнообщества, отстаивающие свои права на политическое и национальное самоопределение. Путем обсуждения вопросов о соблюдении прав человека и этноменьшинств в отдельно взятой стране, степеней демократизации конкретного государства, гражданских прав и возможностей детерриторизированных сообществ в их борьбе за самоопределение глобальная публичность навязывает релевантные ей политические тематики. В этом контексте новым способом разворачивания геополитического соперничества становится провокация локальных этнорелигиозных конфликтов. А ее инструментом выступают транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий.

Полагаем, что абстрактное теоретизирование об истинности или ложности концепта «глобальное гражданское общество», понятий «глобальная культура», «транснациональные НПО», «транслокальные сообщества» или тезиса о «глобальной этнической консолидации» не приблизит нас к пониманию подлинной роли столь критикуемой социологами либерально-демократической публичности в глобальном менеджменте конфликтов.

В перспективе выявления инструментов менеджмента религиозных конфликтов представляется целесообразным использовать ресурс социологии религии, теоретико-методологические основания которой позволяют внести лепту в междисциплинарную дискуссию о роли религиозного фактора в формировании современной глобализированной реальности в многообразии ее политических, экономических и социокультурных связей.

Концепция «транснациональных коммуникативных сетей» была разработана нами в рамках теории традиционных религиозных идеологий[6].

ТКС играют первостепенную роль в глобальной тематизации локальных конфликтов: они образуют ту систему коммуникативных координат, в которой формируются содержание и конфигурация конфликта и может производиться внешнее управление конфликтным процессом.

ТКС обеспечивают системный менеджмент конфликта в широком диапазоне мероприятий: преднамеренная провокация конфронтирующих сторон или их заблаговременное умиротворение, внешнее дипломатическое или силовое давление на враждующие стороны, шантаж международного сообщества террористической угрозой, вовлечение в конфликт третьих стран и т.д.

В системном менеджменте религиозных конфликтов самого пристального внимания заслуживают ТКС традиционных религиозных идеологий, поскольку именно религиозный конфликт способен аккумулировать значительный потенциал насилия, реализующегося в локальном вооруженном противостоянии и в глобальных террористических откликах. В ситуации геополитической конкуренции стран «восьмерки» и региональных сверхдержав (КНР, Индии, Ирана) — процесса, протекающего на фоне неработоспособности Договора о нераспространении ядерного оружия, — системный менеджмент религиозных конфликтов приобретает особую актуальность. Глобальная тематизация таких конфликтов, направленно осуществляемая через ТКС традиционных религиозных идеологий, позволяет достигнуть стратегического преимущества одних стран или международных коалиций и обеспечить полный провал других (включая административно-территориальную дезинтеграцию — «балканизацию»).

Применительно к анализу роли ТКС традиционных религиозных идеологий в глобальной тематизации конфликтов необходимо учитывать типологическое различие таких сетей. Эти сети подразделяются на два типа: собственно религиозные, сформировавшиеся до 1961 г., и новые, этнорелигиозные, сконструированные позднее. Старые религиозные ТКС — это сети, созданные христианскими конфессиями (католические, протестантские, православные, автокефальные), направлениями ислама, иудаизмом и т.д. Они возникли исторически для решения внутрирелигиозных проблем (хотя это и не исключает возможности их использования в целях современной геополитической конкуренции).

Возникновение второго типа сетей напрямую связано с центральными событиями всемирной политической истории: разрушением биполярного мира, политическим оформлением Евросоюза, выдвижением новых ядерных государств, появлением новых детерриторизированных сообществ (термин, предложенный А. Аппадураем для описания

[6] О теории традиционных религиозных идеологий см.: *Островская-мл. Е.А.* Религиозная модель общества: Социологические аспекты институционализации традиционных религиозных идеологий. СПб., 2005.

новых диаспор)[7], открытием границ, глобальным навязыванием концепта «гражданское общество». С 90-х гг. идеологическое пространство геополитики начинает выстраиваться с учетом процессов экономической и политической глобализации, одним из результатов которой являются этнорелигиозные транснациональные коммуникативные сети.

Этнорелигиозные ТКС — это сети, целенаправленно сконструированные в перспективе глобального системного менеджмента конфликтов. Динамика их конструирования прослеживается в трех этапах: 1961–1980 гг. — структурирование новых детерриторизированных этносообществ; 1980–1990 гг. — создание транснациональных НПО и религиозных независимых гражданских организаций (РНГО; это понятие введено Джулией Бергер в статье «Религиозные неправительственные организации: исследовательский анализ»)[8], связанных с детерриторизированными этносообществами; 1990–2000 гг. — концептуализация глобализации и норм глобального публичного дискурса по проблемам детерриторизированных сообществ, стран исхода и принимающих стран.

В результате завершения этих трех этапов этнорелигиозные ТКС получили возможность принуждать к диалогу в формате глобального дискурса правительственные организации стран исхода беженцев и принимающих стран. Рассмотрим эту динамику подробно.

В 1961 г. США выдвинули в формате биполярного мира концепцию развязывания неядерных локальных войн как метода опосредованного соперничества с СССР на территориях развивающихся государств Азии, Африки и Латинской Америки. Данная концепция была изложена, в частности, в монографии Г. Киссинджера «Ядерное оружие и внешняя политика»[9]. С этого времени Запад в лице разнообразных национальных и международных организаций начал целенаправленно заниматься проблемой детерриторизированных сообществ, возникавших на протяжении XX в.: вопросами сохранения их этнорелигиозной идентичности, мониторингом социально-экономической адаптации в принимающих странах, выяснением степени заинтересованности в репатриации и т.д.

В 80-х гг. XX в., когда в Польше началась активизация «Солидарности»[10], поддержанная Ватиканом, на Западе возродилась научная дискуссия о гражданском обществе, в частности, о роли третьего сектора — независимых гражданских организаций (первый сектор — правительственные организации, второй — коммерческие). В этом контексте был выдвинут и легитимирован тезис о необходимости международного гражданского контроля над деятельностью правительств национальных государств в аспекте соблюдения прав человека, национальных и этнорелигиозных меньшинств.

Именно в этот период активно создавались транснациональные правозащитные гражданские организации (ПГО) и РНГО. Данные организации по своей религиозной принадлежности были связаны с теми или иными детерриторизированными сообществами (этнорелигиозными диаспорами). Наряду с ними конструировались гендерные независимые гражданские организации (НГО) по защите прав женщин, НГО «узников совести» (бывших политзаключенных), а также молодежные НГО борцов за политическое и национальное самоопределение «насильственно присоединенных территорий».

На этом этапе были установлены связи этнорелигиозных диаспор с транснациональными НПО и правозащитными либерально-демократическими организациями в странах Запада. Структурировались и линии финансирования этих связей.

В 1990–2000 гг. после серии «бархатных революций» и ликвидации СССР международное геополитическое соперничество приобрело новое содержание — «противостояние Запада с остальным миром». В такой формулировке оно было представлено профессором Гарвардского университета С. Хантингтоном в его программной работе «Столкновение цивилизаций», опубликованной на русском языке в 1994 г. Управление объективным процессом становления единого мирохозяйственного комплекса развернулось по западной модели

---

[7] *Appadurai A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis; L., 1998.

[8] *Berger J.* Religious Nongovernmental Organizations // Exploratory Analysis. Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations. Vol. 14. 2003. № 1. March. P. 16.

[9] См.: *Kissinger H.* Nuclear Weapons and Foreign Policy. N.Y., 1957.

[10] Подробное рассмотрение роли движения «Солидарность» в перспективе возрождения идеологического концепта «гражданское общество» (*Cohen J.L., Arato A.* Civil Society and Political Theory. Massachusets, 1994. P. 31–36).

глобализации — рыночная экономика гибкого накопления плюс либерально-демократическая система ценностей.

Внедрение западной модели глобализации потребовало тенденциозной реорганизации международного диалога в направлении однозначного принятия названной модели[11]. С этой целью и был инициирован процесс конструирования глобального публичного дискурса, базирующегося на определенных «научно апробированных» принципах. Для реализации данной цели в дискуссии международного научного сообщества были вброшены следующие темы: «Глобализация — это естественно-исторический процесс, начавшийся в период великих географических открытий» (Р. Робертсон, 1994); «Лидером глобализации является евро-американская цивилизация» (С. Хантингтон и П. Бергер, 2002[12]); «Процесс экономической глобализации автоматически порождает возникновение глобального гражданского общества по либерально-демократическому образцу» (авторский проект Лондонской школы экономики, 2000–2006. Имеются в виду прежде всего постоянные авторы ежегодника «Гражданское общество», регулярно издаваемого Лондонской школой экономики начиная с 2001 г.[13]).

Квазинаучная легитимация западной модели глобализации как единственно возможной, а, следовательно, нормативной, создала формат глобального коммуникативного пространства. В этом формате локальные проблемы с необходимостью выводились на уровень глобального публичного обсуждения. Смысл этого обсуждения сводился к фактическому опрокидыванию норм международного права и прежде всего права национальных государств на невмешательство в их внутренние дела. На этом этапе этнорелигиозные ТКС и были задействованы в качестве инструмента глобальной тематизации конфликтов и их системного менеджмента.

Заданный глобальным публичным дискурсом контекст сделал возможным привлечение этнорелигиозных ТКС в качестве активных участников. Именно благодаря их выходу на арены публичных дискурсов стало очевидным, что этнорелигиозные ТКС не исчерпываются своими сконструированными элементами (диаспоры, НПО, НГО и РНГО). Вышли из тени другие их элементы — правительственные организации стран исхода и принимающих стран. Эти прежде остававшиеся за кулисами участники оказываются объективно втянутыми в либерально-демократические рамки обсуждения конфликтной проблемы.

Таким образом, основными участниками этнорелигиозных ТКС выступают детерриторизированные этносообщества (новые диаспоры), правительства стран исхода и правительства принимающих стран, религиозные и секулярные НГО и РНГО принимающих стран и РНГО и НГО стран исхода. Интересы и векторы активности этих акторов и образуют ту систему координат, в которой становятся возможными создание конфликта, его имитация или реальное управление им и его прекращение.

Интересы и векторы активности участников этнорелигиозных ТКС

Коммуникативный вклад детерриторизированных этносообществ (диаспор) в функционирование ТКС опосредован их насущной потребностью быть допущенными к участию в глобальной политической и гражданской публичности. От этого участия напрямую зависит политическое, социально-экономическое и культурное сохранение и воспроизводство подобных этносообществ. Условием их встраивания в глобальную публичность выступает наличие политически конфликтной идентичности — идентичности этноменьшинства, борющегося за свои права и самосохранение.

В силу экономических, политических и геополитических факторов правительства стран исхода и принимающих стран с необходимостью оказываются вовлеченными в разнообразные взаимодействия, нацеленные на профилактику и регулирование проблемы этноменьшинств в локальном (государственном) и транснациональном

---

[11] Подробный анализ концептуальных составляющих идеологически ангажированных концепций глобализации см.: *Островская Е.А.* Глобализация культуры // Теория культуры: Учебное пособие под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. СПб., 2009. С. 546–566.

[12] См.: *Бергер П.Л.* Культурная динамика глобализации // Многоликая глобализация: Культурное разнообразие в современном мире / под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. М., 2004. С. 8–24.

[13] *Anheier H., Glasius M., Kaldor M. (eds.).* Global Civil Society. Oxford, 2001.

формате. В перспективе анализа коммуникационного менеджмента религиозных конфликтов принципиально важно учитывать, что спонтанно инициируемый национальными правительствами институциональный дискурс по правам этно — и религиозных меньшинств есть еще и форма контроля глобального пространства идеологий.

РНГО в странах исхода и в принимающих странах нацелены на активное влияние в политической и гражданской сферах по темам прав человека, устойчивого развития, управления, экологии, миротворчества и т.д. Однако векторы транснационального развертывания этого влияния задаются их взаимодействием с детерриторизированными этносообществами. Как правило, в гражданскую и политическую публичность РНГО вбрасывают лишь те темы, которые актуальны для развития текущей геополитической ситуации.

Проделанное выше рассмотрение концепции «транснациональные коммуникативные сети религиозных идеологий» будет неполным без демонстрации аппликативных ее возможностей. В качестве демонстрации социологического применения предложенной концепции в рамках настоящей статьи полагаю необходимым анализ конкретного примера — транснациональной коммуникативной сети тибетского буддизма.

Актуальность рассмотрения именно этого примера обусловлена тем, что глобальное измерение российского буддизма образуется именно его непосредственной коммуникативной включенностью в функционирование ТКС тибетского буддизма. В пользу этого свидетельствует религиозно-идеологическая ориентация буддийских регионов Российской Федерации (Калмыкии, Бурятии, Тувы) на тибетскую диаспору и консолидированная готовность поддерживать тибетскую эмиграцию в ее глобальной политической игре[14]. В связи с этим представляется весьма продуктивным рассмотрение ТКС тибетского буддизма, динамики их институционализации, векторов активности основных акторов и т.д., поскольку процессы религиозной реинституционализации в буддийских регионах России напрямую опосредованы глобальными формами функционирования тибетского буддизма.

Применительно к тибетскому буддизму и его носителям вне тибетских автономных районов (ТАР) — анклавам тибетских беженцев по миру, дхарма-центрам конвертитов (вновь обращенные адепты), транслокальным буддийским НГО и международным НГО борцов за независимость Тибета — следует говорить об искусно сплетенной и успешно функционирующей коммуникативной сети. И сеть эта, по видимости религиозная, является активным участником международного регулирования политических, правовых, геополитических и идеологических вопросов.

Основными ее участниками выступают тибетская диаспора, администрация КНР, «Центральная Тибетская администрация» (ЦТА, так называемое Тибетское правительство в изгнании), администрации государств, на территории которых проживают тибетские беженцы, НГО — международные буддийские НГО, тибетские этнические НГО и международные НПО в поддержку политического самоопределения Тибета[15].

Конструирование ТКС тибетского буддизма

Конструирование ТКС тибетского буддизма сделалось возможным благодаря возникновению в 50–60-х гг. XX в. детерриторизированного тибетского сообщества, борющегося за свое политическое и национальное самоопределение. Первым шагом в направлении придания этому сообществу глобальной значимости явилась финансовая помощь западных государств в экономической, политической и культурной реабилитации тибетских беженцев в принявших странах. Реабилитация беженцев, спонсированная Западом, привела к окончательному оформлению этносоциального феномена, именуемого в глобальном правозащитном дискурсе тибетской диаспорой, — анклавов тибетских беженцев и их потомков в Индии, Непале, Бутане, Ладаке, Сиккиме, в Австралии, Новой Зеландии, Канаде, Швейцарии, ФРГ, Франции, Великобритании, Норвегии, Дании, Нидерландах, Италии, на Тайване, в Японии. (С 1990 г. США также открыли границы для приема тибетских беженцев, которых в этой стране к 2000 гг. насчитывалось уже более

[14] Подробно об этом см.: *Островская Е.А.* Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко и С. Филатова. М., 2009. С. 294–328.

[15] Отдельный анализ каждого из участников ТКС тибетского буддизма см.: *Островская Е.А.* Онтология религиозного конфликта: транснациональная коммуникативная сеть // Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 1. С. 166–176.

5 тыс.) К тибетской диаспоре также относятся и выходцы из южноазиатских анклавов, которые с 90-х гг. начали переселяться на территорию России, — в Бурятию, Калмыкию, Туву, Москву и Санкт-Петербург.

В течение полувекового пребывания в принимающих государствах анклавы тибетских беженцев сумели установить между собой тесные и разнообразные связи, благодаря которым осуществляются миграция тибетцев из страны в страну, непрерывный обмен информацией, взаимная финансовая поддержка, разработка конфликтной (характерной для диаспоры) модели этнорелигиозной идентичности и согласованной линии многомерного реагирования на практические развороты международного дискурса по «тибетской проблеме».

Органичное присутствие политически конфликтной тибетской диаспоры в глобальном публичном дискурсе о правах человека и этноменьшинств является результатом прицельной, длившейся десятилетиями работы других участников сети — администраций тех государств, усилиями которых и навязывались концепты гражданского общества и глобализации по европейско-американскому варианту. В пользу этого свидетельствует целый ряд фактов: к тибетским беженцам не применялись рутинные международные программы реабилитации; с 60-х гг. XX в. при участии западных фондов (американских и германских по преимуществу) потоки тибетских эмигрантов были структурированы в компактные анклавы, закреплявшиеся в странах Южной Азии и Запада; в 80-х гг. проводилась глобальная пропаганда тибетского буддизма, воспроизводимого в диаспоре.

Управляемость процесса конструирования тибетской диаспоры подтверждается и тем фактом, что этапы ее вызревания в активную политическую единицу глобального уровня инициировались извне. Так, первыми инициативами западных фондов по поддержке тибетских беженцев в Индии, Непале, Бутане, Сиккиме и Ладаке, стали программы «воссоздания и сохранения этнической идентичности». Эти программы обеспечили саму возможность культурной и социокультурной ассимиляции тибетской эмиграции.

В 60–70-х гг. XX в. основные силы и средства западных спонсоров были брошены на создание политической структуры в диаспоре, строительство буддийских монастырей-дубликатов на территории Индии и воссоздание системы традиционного религиозного образования, в котором смогли бы принимать участие и западные конвертиты.

В 1990–2000 гг. опять-таки при поддержке «западных друзей» осуществляется политическая реформа диаспоры по либерально-демократическим принципам: принимаются конституция, «Хартия тибетцев в изгнании» (создана в 1991 г. по модели американской «Универсальной декларации о правах человека»), формируются демократические партии, реформируется парламент (в 2006 г. этот орган получает название «Тибетское правительство в изгнании»), верховная политическая власть передается в 2001 г. от Далай-ламы к премьер-министру, избираемому прямым голосованием сроком на пять лет.

Таким образом, к началу XXI в. тибетская диаспора представляла собой политически активную коммуникативную единицу транснациональной сети — детерриторизированное этносообщество, располагающее собственными законодательными органами власти.

Следующий целенаправленно сконструированный участник ТКС тибетского буддизма — это ЦТА, во главе которой стоит премьер-министр и при ней функционируют пять этнических НГО в поддержку самоопределения Тибета, печатные органы и официальный интернет-сайт, издаются на тибетском и европейских языках специальные бюллетени о текущей ситуации в ТАР, о нарушениях прав человека и этноменьшинств.

На международном уровне рупором тибетской диаспоры и ЦТА является Далай-лама XIV. С 90-х гг. он позиционирует себя в качестве религиозного главы всех тибетских буддистов, в том числе населяющих ТАР, в качестве идеолога этнорелигиозного и политического самоопределения Тибета, главного международного спикера по «тибетской проблеме». Далай-лама XIV претендует также на роль религиозного патрона российских буддистов — бурят, калмыков, тувинцев, иерарха, обладающего правом давать религиозные посвящения, благословения, присваивать духовный сан и совершать пастырские визиты.

В пространстве глобальных идеологий Далай-лама XIV заявляет о своем праве на дипломатические встречи с политическими руководителями КНР, стран Евросоюза, США, Канады, России. Именно ему с 2002 г. ЦТА поручила миссию ведения перего-

воров с администрацией КНР в рамках концепции «Срединного пути», т.е. ненасильственного политического самоопределения ТАР.

Парадокс глобального функционирования ЦТА — участника сети, столь же значимого, сколь и диаспора, — состоит в том, что данная эмигрантская политическая структура не имеет официального признания в мире, но при этом развивает разностороннюю политическую активность, претендуя на международном уровне представлять не только интересы диаспоры, но и тибетцев, проживающих в ТАР КНР. И данный парадокс может существовать лишь потому, что имеется молчаливая конвенция западных идеологов глобализации и «глобального гражданского общества», возложивших на ЦТА функции контроля над соблюдением прав человека и этнических меньшинств в КНР и непрерывной конфронтации с китайской стороной.

И, наконец, еще одним сконструированным участником ТКС тибетского буддизма являются разнообразные независимые гражданские организации — тибетские этнические НГО, международные буддийские НГО и международные НПО в поддержку политического самоопределения Тибета. Они также созданы при идейной и финансовой инициативе западных инвесторов глобализации и гражданского общества.

В конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. религиозные лидеры диаспоры затевают амбициозный проект пропаганды тибетского буддизма в странах Запада. И здесь примечателен тот факт, что инициатива миссионирования буддизма в иноэтничной западной среде вроде бы исходила от самих идеологов диаспоры — Далай-ламы XIV и Кармапы XVI, но ее воплощение финансировалось западными фондами и неправительственными организациям.

В течение 80–90-х гг. практически во всех странах Запада, где уже функционировали тибетские анклавы, были вновь созданы религиозные объединения буддистов-конвертитов, получившие юридическую регистрацию и на законных основаниях приглашавших «своих гуру» из тибетской диаспоры. Благодаря активности этих новых для западной культуры буддийских НГО осуществлялся мощнейший пиар тибетской культуры «в изгнании», внедрялись идеологемы особой миссии Далай-ламы XIV и тибетской диаспоры в деле противостояния «тоталитарному коммунистическому режиму» КНР. Многие западные звезды экрана и поп-музыки, ученые-востоковеды объявили себя приверженцами тибетского буддизма и праведной борьбы тибетцев за политическое самоопределение (например, Р. Гир, являющийся крупным спонсором диаспоры и тибетских НГО, соучредителем фонда «Тибетский Дом», Т. Тёрнер, Ш. Стоун и т.д.).

В параллель с пропагандой тибетского буддизма осуществлялось и создание этнических НГО в поддержку независимости Тибета. Так, в 1970 г. при ЦТА была создана организация этнических тибетцев Конгресс тибетской молодежи, которая в течение последующих 15 лет основала собственные филиалы (общим число 78) в Индии, Непале, Бутане, Норвегии, Канаде, Франции, на Тайване, в Австралии и США. Данная организация позиционирует себя как радикально настроенная в своей деятельности по достижению независимости Тибета (в китайских официальных СМИ она аттестуется как «террористическая»). В эти же годы возникает ее дочернее ответвление — Ассоциация тибетской молодежи в Европе (с головным офисом в Швейцарии, где располагается один из крупнейших в Европе тибетских анклавов). В 1984 г. в Дхармасале начинает свое активное международное функционирование Ассоциация тибетских женщин, располагавшая на то время филиалами в Дарджелинге, Калимпонге и Раджапуре. В последующие 10–15 лет Ассоциация тибетских женщин создала дочерние ответвления в тибетских анклавах Непала, Европы, США, Канады и Швейцарии.

В 90-х гг. ЦТА инициировала создание еще двух политических НГО, борющихся за независимость Тибета. В 1991 г. в Дхармасале стартовало Тибетское движение бывших политзаключенных, сформированное по инициативе тибетских монахов, монахинь и мирян, «репрессированных» китайской администрацией за участие в политических волнениях сентября — октября 1987 г. и марта 1988 г. в ТАР КНР, прошедших «тюремные застенки и пытки» и вырвавшихся в эмиграцию (официальное название движения «Gu Chu Sum Movement» — первые три слова означают даты политических волнений в ТАР 1987–1988 гг.). Это движение поставило своей целью ведение международной антикитайской кампании силами бывших тибетских политзаключенных, сегодняшних «узников совести» и действующими на территории ТАР и КНР диссидентскими сообществами. Данная цель реализуется через сотрудничество с международными правозащитными НГО, участие в конгрессах и конференциях по правам челове-

ка, информирование мировой общественности о противозаконных и противоправных действиях китайской администрации в ТАР.

В 1994 г. при ЦТА была сформирована Национальная демократическая партия Тибета, аттестующая себя в качестве политического НГО в борьбе за свободный Тибет. Принципиально важен тот факт, что данная организация возникла по инициативе Далай-ламы XIV, обратившегося к представителям Конгресса тибетской молодежи за помощью в создании «партии истинной демократии». Таким образом Конгресс тибетской молодежи обрел вполне легитимный для глобальной публичности орган гражданской мобилизации тибетской диаспоры.

Венцом этого глобального конструирования политической активности участников транснациональной сети тибетского буддизма стало оснащение диаспоры и тибетских НГО средствами мультимедийной связи с глобальной общественностью. В 90-х гг. в глобальном виртуальном и медийном пространствах появились тибетский эмигрантский радиоканал и газета «Отчизна» (Phayul); радио «Голос Тибета», квартирующий в Дхармасале; центр информационной и мультимедийной поддержки Тибета «Tibet Multimedia Center» и журнал «Tibetan Review»; «Радио Свободная Азия» (созданное в 1996 г. и существующее при финансовой спонсорской поддержке США; его тибетский филиал дислоцируется в Дхармасале).

Итак, к 2000 гг. ТКС тибетского буддизма была явлена миру и мировой общественности этнорелигиозной и правозащитной активностью трех своих участников — тибетской диаспоры, ЦТА во главе с Далай-ламой XIV и разномастных международных НГО борцов за политическое самоопределение Тибета. Сеть эта возникла отнюдь не одномоментно, на ее создание ушло более четырех десятилетий — ее глобальная религиозно-идеологическая и политическая активность была уже вполне рутинизирована и хорошо известна в мире. Оставалось проверить этот вновь созданный инструмент глобального управления на практике. Такой проверкой и стали события марта — апреля 2008 г. в ТАР.

Апробация экстремистского потенциала сети

Анализ конкретных фактов, событий, мероприятий, предшествовавших мартовским волнениям в ТАР, позволяет утверждать, что эти волнения явились хорошо спланированной акцией по проверке экстремистского потенциала и актуальных возможностей сети. Решение об этой глобальной акции было принято в 2001 г., когда Пекин получил право на проведение Олимпийских игр.

В пользу этого свидетельствуют следующие факты. Во-первых, волнения в ТАР развернулись в марте — апреле 2008 г., и их начало было приурочено не к открытию Пекинской олимпиады, как единодушно провозгласили многие западные и отечественные эксперты, а к «предъюбилейной» дате — 49-й годовщине исхода беженцев. Для правильного понимания этого факта необходимо учитывать позицию главных инициаторов этих волнений — тибетской диаспоры, ЦТА и НГО борцов за независимый Тибет. Эта позиция была впервые озвучена в 2002 г., когда ЦТА инициировала «7-летние программы для групп поддержки Тибета в перспективе Пекинской Олимпиады». Данные программы были нацелены на оперативную консолидацию международных буддийских, этнических, западных НГО борцов за независимый Тибет в рамках проведения «глобальных политических акций за независимость Тибета».

Анализ содержания программ показывает, что речь шла о подготовке и проведении по миру митингов протеста, пикетирований китайских посольств и консульств, разворачивании антикитайской пропаганды по темам нарушения прав человека и этноменьшинств в КНР в течение семи лет, т.е. вплоть до августа 2008 г. — открытия Олимпиады. В пресс-релизах, резолюциях международных конференций групп поддержки Тибета и других организаций все эти годы подчеркивалось, что «Пекинская олимпиада — это шанс в перспективе решения тибетской проблемы» и уникальная возможность для того, чтобы политическая активность тибетской диаспоры приобрела глобальное звучание. В документальных свидетельствах по практической реализации семилетних программ всегда фиксировалось требование этнических тибетских НГО об официальном допуске к участию в Олимпиаде тибетских спортсменов из ТАР и диаспоры, об официальном допуске представителей ЦТА на этот спортивный форум.

Результатом глобальной консолидации разномастных НПО в поддержку Тибета стало создание в 2007 г. транснационального Движения Тибетского народного сопротивления (Tibetan People's Uprising Movement), объединившего в своих рядах как этнические религиозные и секулярные НГО, так

и западные НГО борцов за политическую независимость Тибета. Здесь следует упомянуть также и о глобальной активности организации «Друзья Тибета», созданной в 1999 г. индийцами, сочувствующими тибетской эмиграции. В 2006 г. она выступила с призывом глобальной консолидации своих филиалов в Уругвае, Пакистане, Испании, Шри-Ланке и Великобритании в целях активизации политических акций за независимый Тибет в перспективе Пекинской олимпиады.

И еще один весьма значимый факт в пользу целенаправленной подготовки сети — именно с 2002 г. впервые официально стартовали переговоры ЦТА с китайской администрацией по тибетскому вопросу. В период с 2002 по октябрь 2008 г. состоялось восемь раундов таких переговоров.

Волнения марта — апреля 2008 г. в ТАР произошли за полгода до открытия Олимпиады — срок, потребовавшийся организаторам для проверки транснациональной коммуникативной сети тибетского буддизма на оперативность, консолидированность взаимодействия, на сканирование глобального отклика мировой общественности и мониторинг реакции таких участников сети, как китайская администрация и администрации тех государств, на территории которых уже более 40 лет существуют тибетские анклавы и активно функционируют буддийские НГО и НГО в поддержку Тибета.

Мартовские события в ТАР продемонстрировали высокий потенциал конфликтности ТКС тибетского буддизма и вполне реальную возможность нацеливания ее деятельности на эскалацию этнорелигиозного конфликта. Вместе с тем сами события и воспоследовавший глобальный отклик обнаружили внутри сети идеологический раскол, отсутствие легитимной основы для экстремистских выступлений, поскольку сеть позиционировала себя в глобальном коммуникативном пространстве как хранительницу и проповедницу тибетского буддизма, его идеалов ненасилия и толерантности. В последующие полгода выяснилось, что Далай-лама XIV и ЦТА продолжали стратегию «Срединного пути» переговоров с китайской администрацией, а этнические и международные НПО борцов за независимость Тибета выступили с критикой этой стратегии. Тем самым обозначились контуры идеологического раскола, чреватого спонтанной и неуправляемой активностью ТКС тибетского буддизма.

Реструктуризация сети в направлении эскалации этнорелигиозного конфликта

Итак, мартовские волнения в ТАР стали проверкой сети на активность и потенциал ее политической конфликтности. Однако анализ последующих событий показывает, что эти волнения были еще и первым звеном в цепочке мероприятий по радикальной реструктуризации сети. Следующим звеном явился созыв «специального собрания всего тибетского народа», или, как это было обозначено в западных СМИ, «проведение чрезвычайного референдума» тибетской диаспоры по окончательному решению «тибетского вопроса».

Состоявшееся в Дхармасале 17–22 ноября 2008 г. первое специальное совещание представителей тибетских анклавов планировалось как мероприятие, идейно связанное с мартовскими волнениями в ТАР. Его официально заявленной целью анонсировался референдум «всего тибетского народа» по проблеме «провала» переговоров с китайской администрацией в рамках концепции «Срединного пути». В ходе референдума его организаторами был осуществлен целевой мониторинг политических настроений в тибетских анклавах и внедрена новая стратегия, в которой идеологическое главенство Далай-ламы сочетается с борьбой этнических и международных НГО за политическую независимость Тибета. Анализ принятых на референдуме решений свидетельствует о том, что главным его результатом следует признать легитимацию Далай-ламы в качестве международного лидера движения за свободный Тибет. Это означает, что транснациональная коммуникативная сеть тибетского буддизма в лице трех своих участников — диаспоры, ЦТА и международных НПО — обрела новые идеологические рамки, в которых глобальная пропаганда тибетского буддизма отныне будет легитимно сочетаться с политическими действиями по разрешению «тибетской проблемы».

Главной функцией ТКС тибетского буддизма является глобальный менеджмент этнорелигиозного конфликта. Эта функция реализуется через взаимодействие всех ее основных участников — тибетской диаспоры, администрации КНР, ЦТА, международных буддийских НГО, тибетских этнических НГО и международных правозащитных НПО в поддержку политического самоопределения Тибета.

Взаимодействие участников сети определяется целями и интересами каждого из них и конкретным содержанием международной политической ситуации, в которую может быть вовлечен тибетский фактор. В настоящее время часть участников консолидирована в аспекте целей и интересов — это тибетская диаспора, ЦТА и этнические НГО, международные НПО борцов за политическую независимость Тибета. Эта консолидация осуществилась по результатам тибетского референдума 17–22 ноября 2008 г. и совещания международных групп поддержки Тибета в Гургаоне (29 ноября — 1 декабря). Идеологическим лидером этих акторов заявлен Далай-лама XIV. Стратегия их деятельности определена резолюцией референдума как ненасильственная борьба за этнорелигиозное и политическое самоопределение Тибета, но с той оговоркой, что в случае необходимости могут избираться и радикальные формы активности.

В ракурсе развернувшихся в марте — апреле 2008 г. массовых религиозных волнений в ТАР Китая и мгновенного глобального политического отклика на эти события «тибетская проблема» предстает в совершенно новом формате. Образуемая буддийскими анклавами по всему миру тибетская диаспора отчетливо проявила себя как один из сегментов гигантской транснациональной сети, в коммуникационном менеджменте политической и геостратегической активности которой задействованы правительства страны исхода и правительства принимающих стран, буддийские этнические и конвертитские независимые гражданские организации (НГО) стран исхода и принимающих государств.

© Островская Е.А., 2010